

* * *

Мир Арбата,
Мир Булата,
Глубина и боль стиха.
Жжёт давнишняя утрата,
Даль минувшего глуха.

Двор в снегу. Ворота ржавы.
Тот Арбат замолк в тиши,
Лишь гитара Окуджавы
Всё звучит на дне души.

Здесь, в старинном и подлунном,
Недопетый лад верша,
Звоном чувства тонкострунным,
Как тогда, полна душа.

Редкой нужностью друг другу,
Незнакомой в наши дни,
Оживает братство круга,
Светят скромные огни.

А пластинка всё играет,
А гитара всё зовёт,
А душа в заветном крае
Завершает свой полёт.

Тише... Двор задумчив, старый,
Как и много лет назад,
Словно вдруг Булат с гитарой
Снова выйдет на Арбат.

Он далёк от нашей смуты,
Полон смутою своей,
Весь в плену былой минуты
Откровения болей.

Зорок свет искристо ранний,
Перелёт души крылат
В той стране переживаний,
Где творил и жил Булат.

ЗОВ ДОБРОТЫ

В ночи взошло в душе тепло,
Как солнце из рассвета.
Но вот беда: к утру ушло
Без чувства, без ответа.

Ушла из сердца доброта,
Давно её не стало.
Верните душу в те места,
Под сень её кристалла.

И где теперь её искать,
В каком краю разгадка?
Верните сердцу благодать,
Чтоб стало сердцу сладко.

Увы, в недавние лета
Всё было так иначе.
Ушла из сердца доброта
И растворилась в плаче.

Той доброты давно уж нет,
И сердце бьётся глуше.
Верните явь недавних лет,
Верните людям души.

21–24 августа 2021 г.

СОЛОВЬИ

Опять вернулись соловьи
В кустарники в долине.
Как зов томительный любви,
Их песня скоро хлынет.

Опять их трели полетят
Под самые под крыши, —
Души чарующий наряд,
Дарованный ей свыше.

Вот кто такие соловьи
Семейства воробьиных?
Любой — из певческой семьи
С времён ещё былинных.

У них традиции свои,
Быт певческой капеллы.
В едином братстве соловьи,
Поющем а капелла.

По воспитанью соловей —
Шальной души безбожник.
В судьбе блистательной своей
Маэстро и художник.

Их север манит навсегда,
А знойный юг — на зиму.
Их в эту рощу, лишь сюда,
Влечёт неодолимо.

Опять вернулись соловьи,
И весел их кустарник.
Лови их трели о любви
В чарующем блистанье.

Валерий Ефимович Лебединский (1940 г.р., Кременчуг Полтавской обл.) закончил два факультета Одесского государственного университета им. И. Мечникова: юридический (1965) и исторический (1971). Поэт, прозаик, драматург, член Союза писателей Москвы, Союза российских писателей и Союза журналистов России. Почётный член Международного Союза писателей им. Св. Кирилла и Мефодия (Болгария). Автор 15 книг, лауреат литературных премий.

Они опять для нас поют,
Им сердце вечно радо.
Души пленительный уют,
Любимая отрада.

26 ноября 2021 г.

ПАДЕНЬЕ ГРЁЗ

В былые дни суровой прозы,
Когда надежда пала ниц,
В туманной мгле исчезли грёзы,
Сошли на нет улыбки лиц.

И вместо близкого далёка,
Где зря мы ждали высших благ,
Пропала вера раньше срока,
И цвет огня утратил флаг.

Ну, хорошо, пускай химеры
Нас звали в солнечную даль,
Но как нам жить без правой веры,
Где дух калил литую сталь?

И вновь по вёснам пышут розы,
Но, чем ты души ни утешь,
Увы, не рвутся в небо грёзы,
На дне души пробита брешь.

6 ноября 2021 г.

МИРАЖ

Затмилась даль, пришла пора туманов,
Ударов молний, яростной грозы.
Растаял день, где жили мы гуманно,
Где даль светилась в цвете бирюзы.

Явилась блажь шального разворота.
Лимонный цвет. Сокрытые кусты.
Где мой мираж несдержанного взлёта
И красота несдержанной мечты?

Средь гула строек, где тропа упряма,
Под звон надежды, в светлой стороне

Другие люди на дорогах БАМа
С вершины духа улыгнулись мне.

Другие люди в кузнице Магнитки
И вдоль плотин, таких,
как ДнепроГЭС,
С вершины духа заложили плитки
В мой юный пыл, в духовный интерес.

И вот нежданно это чудо пало,
На поле брани тяжко ранен дух.
Лишь только звон проклятого металла,
Тревожный взгляд
и напряжённый слух.

Затмился свет, иной глядит забота,
Увяли чувства в гуле суеты.
Где мой мираж несдержанного взлёта
И красота несдержанной мечты?

15 июня 2021 г.

Там вместо драмы — развлеченья,
Там вместо книги — монитор.
Там обескровлено ученье
И тих об этом разговор.

Там верх поэзии — Асадов,
Там нет у прозы глубины,
Там обессиленной досадой
Сердца безмолвные полны.

Там навалившееся бремя,
Там укрощённая борьба,
Там остановленное время
И побеждённая судьба.

27 ноября 2021 г.

Сурова Пушкина страда
В больной сегодняшней Одессе,
И что сегодня, что тогда,
Глумится даль и чахнут веси.

А были сладки вечера,
И к наслажденьям рвались ночи.
Но, вопреки всему, вчера,
Здесь каждый русский озабочен.

Здесь светом в каверзной судьбе
Была графиня Воронцова,
Но духа прежнего — нигде,
Но звука русского — ни слова.

И не видны в порту суда,
Хоть Ришелье глядит в Европу.
Но и она не мчит сюда,
И даже к ней туманны тропы.

И над Одессой надо всей
Надежды сникли упования,
И стынет пушкинский музей
Вблизи последнего изгнания.

ЯВЛЕНИЕ БРЮСОВА

Нужда глубинного познания,
Уход в античные края —
Как признак раннего призвания,
Тропа наметилась своя.

Путь к усложнённой, трудной речи,
Ко древним муторным пластам.
Над письменами тлеют свечи,
Тропа ко смыслам не проста.

Единым взглядом — от Эллады
До декадентской новизны
Струится путь иной плеяды,
России гении нужны.

И он пришёл, потомок руссов,
Железом кованой строкой.
И он уверен, юный Брюсов,
Что нужен именно такой.

Тропа туманна и чревата
Истошным криком болевым.
Под громогласный зов набата
Восходит Брюсов рулевым.

* * *

Недуг у Надсона, чахотка,
А лет больному — двадцать три.
Дыханье спёрто, гложет глотка
И боль, зудящая внутри.

Но стих его не поэтичен,
Не мастерством горит строка.
Ну что сказать, он обезличен,
Он не поэт ещё пока.

А боль взывает к юным душам,
Ко всем, кто жалостью полны,
Чей здравый взгляд бывал порушен
На гребне чувственной волны.

Ну, что ж, достойны упования,
Полны трагических забот
И дни глубокого страдания,
И преждевременный уход.

А вот поэзия, ветшая,
Роняла общие слова,
Но слава Надсона большая
Спустя столетие жива.

И снова юность чутка к боли,
И соболезнает молва,
И маскальтура, как дотоле,
Вступает в новые права.

И вместо Надсона Асадов
Приходит с болью со своей,
Строкой любительского лада,
Тропой ущерба и болей.

* * *

Этап послевоенный,
В прямой близости войны.
Шальная кровь по венам,
Аресты без вины.

Глухая ломка судеб,
Со ссылками и без.
Немые, в страхе, люди,
Крутой повальный пресс.

Я помню этот ужас,
Кровавых восемь лет.
Могло ли стать хуже
В сплошном горниле бед?

Все головы — на плахе,
Все судьбы — под топор!
Все души в диком страхе,
Дожившем до сих пор.

* * *

Кто убил Мандельштама? Режим!
Целевая система колоний.
Мы, небось, до сегодня дрожим,
Каждый был для неё не сторонний.

Все прошли через пагубный страх,
Каждый был в двух шагах от расстрела.
Это был всех и каждого крах,
Крах дрожащего тела и дела.

Воля, сжатая в твёрдый кулак,
Пред которым сплошное бессилье.
Ну, не сам же проклятый ГУЛАГ
Вдруг шагнул по просторам России.

А сейчас не глядится повтор?
Кто есть мы, повернувшие круто?
Мы другими не стали с тех пор,
Обречённо вошедшие в смуту.

Ну, расставьте же всё по местам,
Пролетая по той же орбите.
Впереди — не один Мандельштам,
Не один Гумилев, поглядите.